

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

Он выступил с зажигательной речью и органнй зал прямо до слёз довёл... Зал минут пять аплодировал. И тем более тяжело ему это решение далось, что он позвал людей на новые должности, сорвал с мест, а самому пришлось уйти. Он понимал, что для многих это будет личной проблемой.

— Многие считают, что эту реформу декабря-января придумали именно вы. Так ли это на самом деле?

— Обычно пытаюсь не разочаровывать общественность, но, конечно, нет.

— А чьей это было идеей? Обычно это связывают с тем, что довыборы во втором округе выиграл Егор Заворохин.

— Вообще мимо. Кампания по довыборам Заворохина — это была маленькая, никому не нужная кампания, которая ни на что не повлияла. Кейс Заворохина — повод. Тем более что Егор Заворохин — мудрый человек, он понимает, зачем ему депутатство, и был ориентирован на конструктив.

А административная реформа задумывалась достаточно давно. Связано это было с тем, что в крае образовалась парадоксальная ситуация. Всё хорошее связывали с отдельными министрами и акторами, а всё плохое валили на Виктора Басаргина. Почти никто из министров не брал на себя политическую и имиджевую ответственность ни за что. Я полагаю, что эта ситуация губернатора «допекла». Да ещё выборы впереди! Такая многочисленная бригада «работает», а он один за всё отвечает? Задачей было сделать из этой толпы пассажиров команду с личной ответственностью каждого. И в том числе за результат и за провалы!

— То есть это было его личное решение?

— Я уверен, что он его обговаривал в Москве. Лично для меня это решение было бы слишком суровым, но я не в счёт, так как гуманитарий, для нас эмоции имеют большое значение.

— Когда пришёл к власти Максим Решетников, вы оставались у него работать в администрации, но всем говорили, что уже на чемоданах. Как вы там продержались так долго?

— Вообще не держался. От слова «совсем». Максимально обострял ситуацию. Сразу заявил Виктору Басаргину, что хочу уволиться. Он был против. Сказал примерно так: «Сейчас хлопать дверь неправильно, подставишь нового губернатора».

— А почему вы хотели уволиться?

— Во-первых, знаю, как сложно формируются новые системы. Борьба за влияние на губернатора, «игра престолов». Это не моё. Слабоват я в интригах.

Во-вторых, в команде у Виктора Фёдоровича я знал рубеж, за который лично отвечаю. Знал, как быть необходимым. При новом губернаторе «старые карты» сгорели. «Война» закончилась. Затем Максим Геннадьевич Решетников также просил меня поработать какое-то время. Вот и вся история о «держался».

— Кто сейчас на вашем месте?

— Никого.

— Как вы это оцениваете?

— Никак. Влияние одного человека на губернаторскую кампанию существенным назвать нельзя, но с точки зрения управляемости территорией это немного повредило, потому что с моим приходом в администрации появилась технологичность. Нужно принять какое-то политическое решение — сначала определяли сценарии, «пробивали» через социологию, фокус-группы и эксперт-

ники. Советовались с полпредством и администрацией президента. Смотрели, как к этому элиты относятся. Затем принимали решение. Раньше была сплошная «алга».

— Можете привести примеры назначений, пролоббированных лично вами?

— Задавайте конкретные кейсы. Руководителей много, они живы и никуда не делись, не хочу дровишки в этот огонь амбиций подбрасывать...

— Анатолия Маховикова с должности главы администрации губернатора советовали уволить?

— Нет. Анатолия Юрьевича уважаю. После его ухода с поста сити-менеджера была только пара человек в крае, которые публично выступали за то, чтобы Маховиков остался на Перми, и я был из их числа. Тем более я не мог советовать увольнять его с поста главы администрации губернатора, потому что сложно быстро обучить человека, который бы профессионально занял его место: он контактировал с Москвой и полпредством. А это тот ещё «геморрой»!

— Александр Козенков, место которого вы заняли?

— Честно говоря, для меня было неожиданностью, что Козенкова уволили, хотя он, наверное, думает по-другому. Искренне рад, что сейчас его дела складываются хорошо.

— Вы сегодня довольно положительно отзываетесь о Викторе Басаргине, но он же был непопулярным у населения...

— По последнему замеру, который мы делали в феврале, 48% электората у него было. Этого достаточно, чтобы в рамках избирательной кампании он набрал свои 60–70%.

А вот у элит он был непопулярен. Это правда! Объясню почему. В своё время я называл Виктора Фёдоровича даосом. Даосы — мастера восточных боевых искусств, которые практиковали недаяние. Согласно их практике, если хочешь что-то сделать идеально, ты должен выключить разум и про-извести действие максимально незаинтересованно. Пока Виктор Басаргин не вмешивался в политику, экономику, культуру региона, у него всё было хорошо; как только пытался скорректировать пермскую систему, осознать её, она огрызалась. Наши местные элиты сопротивлялись тому, чтобы в крае хоть что-то менялось под брендом «Басаргин». Таков был своеобразный пермский сепаратизм.

— Легко обвинять местные элиты, но приведите конкретный пример.

— Да их масса. И все заинтересованные их знают. Легче всего привести пример с зоопарком. Долго выясняли: этот участок, не этот, писали обращение в ФАС, меняли зональности, потом силовики начали «гонять слона». Потом «лесовики» и митинги. Депутаты. Общественность. Короче, было адово!

Хорошо, что строительство аэропорта Виктор Фёдорович успел протаранить... Причём в общем ситуация складывалась интересная: часть элит («группа товарищей») публично мешала, вторая часть элит хотела Басаргина поддерживать, но на определённых условиях. У губернатора была задача перегрузить эти отношения, но у него до конца не получилось.

— Каким он запомнится пермякам?

— Трудный вопрос. Мне бы хотелось, чтобы с теплотой отзывались.

— Не так давно исполнилось 100 дней с того дня, как регионом руко-

водит Максим Решетников. Можете подвести итоги?

— Умиротворение среди элит есть, но оно получилось по-павловски «рефлекторно». Элиты дружно выстроились по сигналу президента. Личных достижений Максима Геннадьевича я пока не вижу, но 100 дней — слишком малый срок, чтобы подводить итоги. Вернёмся к этому вопросу через два года. Лично я за 100 дней не сумел бы хороший курс по философии написать, не то что поменять что-то в регионе. Образ его ещё формируется, но технократ и эффективный менеджер, на мой взгляд, не совсем то, что нужно.

— А что нужно?

— Патриот (это не моя мысль). Последние два губернатора были как бы «не совсем патриотами». Один «французит», другой собрал библиотеку и уехал работать в столицу. Оказалось, что они были не укоренены в Пермском крае. И народ вдруг почувствовал, что его немного обманывали. Поэтому нельзя просто перетащить сюда универсальные стандарты и технологии — они здесь не будут работать, Пермский край не готов «управлять вместе».

— Как раз о технологиях хотела спросить. Вам приписывали контроль над одним Telegram-каналом, эту информацию вы уже отрицали. Но насколько вам вообще кажется эффективной политтехнологией ведение Telegram-канала?

— Политтехнологи бывают двух уровней: для элит и массового избирателя. Я работаю с массовым сознанием, а Telegram-каналы, особенно анонимные, для элит. Отсюда и эффективность Telegram-каналов как политических технологий. Поэтому хочешь аутентичных решений — ориентируйся на Telegram. Если их и использовать, то только как хороший способ личностной экспертной раскрутки, но не как отражения реальности.

— Что тогда подойдёт для массового сознания? Недавно вышел якобы разоблачительный фильм «Он вам не пермяк», явно калька с «Он вам не Димон». Такие фильмы могут сыграть свою роль?

— Это маленькая политическая диверсия. Дешёвенький «пробничек». Фильм «Он вам не пермяк» выполнен без души, чувствуется, что он сделан тысяч за пять, дизайн и смыслы проработаны слабо. Этот «шедевр» никак не повлияет на результаты кампании. Цель таких фильмов — закладка на будущее. Сделать так, чтобы губернатор был ослаблен. Потому у этого фильмеца и зритель-то всего один — сам Решетников.

— В целом появились ли какие-то новые политтехнологии за последнее время?

— Мы живём в эпоху героев. Когда один одержимый человек может перевернуть целый мир. Современные технологии это позволяют. С этой точки зрения парадигмой является Алексей Навальный. Личность как вызов системе. Это как минимум эстетично. Поэтому я бы сказал так: новая политическая технология — это личность.

— Сегодня говорят о молодёжной аудитории детей 1990-х годов, которую политтехнологи обычно не выделяют в значимую электоральную группу. Как вы с ними собираетесь работать?

— Этим детишкам минимум по 18, а максимум по 27 лет. Хотя вы, наверное, правы. Раз они не ходят на выборы, значит, дети. Именно поэтому я с ними не работаю. Бесполезно...

— Почему вы так в этом уверены? На митинг же вышли, значит, и на выборы пойдут.

— Сколько их вышло? Две тысячи человек? Это менее 0,01% избирателей. Нужно ждать, пока эта молодёжь во всех смыслах подрастёт. Она опасна энергетикой не на избирательных участках, а на площадях. Но российское общество законсервировано, поэтому я не верю в площади. Мы слишком «вмёрзли» в эту систему. К тому же наша страна не богатеет. А чем «небогаче» страна, тем медленнее меняется в ней общественное сознание.

— Можете сформулировать политический прогноз на следующие несколько лет для Пермского края?

— Во-первых, осенью состоится окончательное формирование команды нового губернатора, но что это за команда соберётся, будет зависеть от того, какие установки победят в голове Решетникова. Если будет уверенность, что универсальные технологии будут действовать как в Москве, так и в Перми, то команда будет «молодёжной сборной» Москвы. Если придёт осознание, что нужно становиться патриотом Пермского края, то нужно будет искать настоящих драйверов. Нужно помнить, что опыт появляется только в результате боли. Будет у Решетникова боль, появится рефлексивное сознание.

Во-вторых, в регионе стартует парад суверенитетов. Сейчас мы его наблюдаем в Лысьве, Краснокамске и Гайнах, потом он примет массовые формы. Когда были прямые выборы, была одна схема. Она со стороны открытия новых лидеров была хороша, но со стороны усиления роли государства на территориях была преждевременна. Даже примеры приводить не буду... Поменяли на назначения, что, на мой взгляд, абсолютно правильно, так как компетенции муниципалитетов не успевают за трансформацией госуправления...

— Губернатор лучше знает, как управлять?

— Эксперты администрации губернатора лучше знают. И надо ещё помнить, что прокуратура не прощает ошибок никому. Сейчас администрация губернатора помогает муниципалитетам в распоряжении ресурсами, потому что на местах банально нет специалистов. Нужно же переучиваться постоянно, законы меняются. Сегодня муниципальная политика вновь на подъёме, год тишины кончился, а сейчас местные элиты уже используют новую реальность в своих интересах. Придётся возвращать прямые выборы, чтобы перегрузить ситуацию.

— Сейчас эту ситуацию пока просто отпускают?

— Отчасти да. Местные элиты и депутаты земских собраний поняли, что могут контролировать процесс назначения лучше, чем прямые выборы. А к региональной власти приходит осознание, что надёжнее выбрать одного мэра, чем 20 депутатов. Видимо, такая игра будет происходить этап за этапом. В остальном Россия — холодная страна, и серьёзных потрясений не будет. Тем более что экономисты обещают 10–15 лет экономической рецессии, и это позволит лучше контролировать электорат.

— Как-то неутешительно...

— Это же не мешает строить собственную судьбу. Просто нужно понимать, что контекст такой, тренды такие. А для личности мир всегда открыт.